ДВЕ КАРТИНЫ В ОДНОЙ РАМЕ

Май 1984 года. Цветут каштаны. Белые воротнички, букеты цветов. Волнуемся, стараемся не шелестеть целлофаном. Ищем свободные места. Гаснет свет, дипломный спектакль «Пустяки» курса киноактера под руководством К. П. Степанкова начинается.

...Это очень редко бывает, когда спектакль «попадает» в зрителя. Когда он соединяет тех, кто по одну и по другую сторону рампы, создает то чудо, ради которого и существует театр. Но это редко бывает.

«Пустяки» тогда таким чудом стали. Время идет, а тот спектакль, его магическая атмосфера остались в памяти. И актер, игравший Шекспира и Наполеона, не забывается.

Тогда впервые услышала его имя — Алексей Горбунов. Он выделялся, как выделяется на фоне несомненных одаренностей талант. Помнится, Степанков назвал Горбунова «крепким талантом». Это определение оказалось очень точным.

Уже год «Пустяки» идут на сцене Театра киноактера. В двух из трех одноактных пьес Бернарда Шоу у Горбунова главные роли. В первой он — Шекспир, во второй — Наполеон. Две выдающиеся личности, оставившие в истории разный след, разную славу. Первый — гениальный создатель, второй — разрушитель. От одного до другого в спектакле час времени.

Шекспир у Горбунова был всяким: то дерзким, то сломленным. Легко отрекался от смуглой леди, долго и усердно стоял на коленях перед Елизаветой. Одной и той же репликой то требовал себе театр, то чуть ли не кланчил. Алексей искал, пробовал, ошибался. Нет, он не тщился сыграть призрак гения, но человека. Наверное, если бы Алексей пытался проникнуть в тайну величия английского барда, его бы просто раздавил страх. Ведь боятся же актеры играть Пушкина. Интуитивно или сознательно найденная природа существования на сцене кажется единственно верной.

Как-то минут за сорок до первого звонка Алексей пошел встречать кого-то из знакомых. Я бросила ему вдогонку, что Станиславский приходил за три часа до спектакля и готовился к роли.

Горбунов ответил: «Я не Станиславский, но в театр прихожу за два с половиной часа. И тоже готовлюсь». Для меня до сих пор загадка, как можно после Шекспира выйти Наполеоном. Вместе с шинелью актер «надевает» совершенно иной характер, темперамент. Чеканная походка военного. Властный взгляд. Приказы, приказы, приказы. Даме, трактирщику, армии, поручику, зрителям. Все слушают и выполняют. Сапог раздавит картину в золоченой раме, мгновенно оборвется музыка. При виде невысокой фигуры в треуголке бросятся врассыпную Музы.

Любой спектакль начинается с противостояния тех, кто в зале, тем, кто на сцене. Дальше все зависит от режиссера и актеров. Смогут они пробиться через этот барьер — значит, спектакль игрался не зря. Все представления, которые мне довелось смотреть, почти всегда пробивались к зрителям. И в этом немаловажная заслуга Алексея Горбунова. Две роли в «Пустяках», как две картины в одной раме, объединенные его дарованием.

Когда думаю об этом молодом актере, мне и радостно и грустно. Радостно, что он играет на сцене, грустно оттого, что играет только в одном спектакле. Утешаюсь — никакая энергия не исчезает бесследно. Но всегда ли применимы законы физики к живому человеку? Правда, Горбунов снимается в кино. На экраны уже выходит новый фильм Романа Балаяна «Филер», где он снялся вместе с Олегом Янковским. Есть другие киноработы. Спрашиваю у Алексея: «Что тебе ближе — театр или кино?» «Разве непонятно? — до крипоты падает низкий голос. — Ты же и то, и другое видела». Немногословен, сдержан. Может, поэтому на сцене он себя не экономит. У Горбунова жажда по театру, по новым ролям. Пусть желания его сбудутся.

В. СЕРИКОВА.

Киев.